

НАУКА РОССИИ И ВНЕШНИЙ МИР: СПОРНАЯ ОТКРЫТОСТЬ, БЕССПОРНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ

© 2023 г. А. Б. Гусев^{а,*}, М. А. Юревич^{б,**}

^аООО «Социологическая служба “Решающий голос”», Москва, Россия

^бФинансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

*E-mail: info@castingvote.ru

**E-mail: mayurevich@fa.ru

Поступила в редакцию 12.09.2022 г.

После доработки 18.10.2022 г.

Принята к публикации 15.11.2022 г.

На основе социологических исследований “Научная политика России”, проведённых в 2021 и 2022 гг., в статье анализируются мнения, распространённые в научном сообществе, относительно внешней открытости российской гражданской науки. Авторы отмечают, что устойчивый вектор государственной политики по поддержанию высокого уровня интегрированности отечественной науки в международное научное пространство внезапно был поставлен под сомнение после начавшейся специальной военной операции Российской Федерации на Украине. Сохранявшийся на протяжении десятилетий западноориентированный курс российской науки сформировал высокий уровень его поддержки среди исследователей, резко отказаться от которого, как выяснилось, даже в новых условиях представляется для научных работников весьма затруднительным. Установлено, что санкционные меры, введённые против российской науки, оказались довольно болезненными, причём их последствия могут быть преодолены лишь в долгосрочной перспективе.

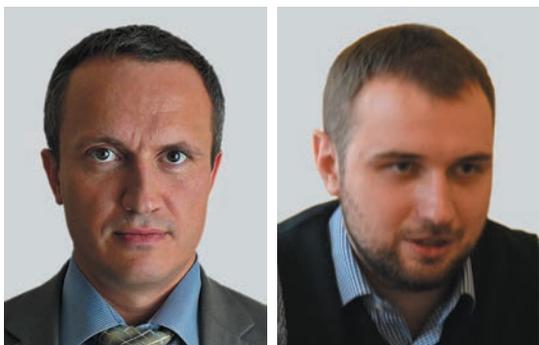
Ключевые слова: научная политика, изоляция российской науки, санкции, социологическое исследование, опрос учёных.

DOI: 10.31857/S0869587323020068, EDN: FCMHDP

В государственной научно-технической политике имеется множество регуляторных развилков, что обуславливает необходимость поиска опти-

мального сочетания противоположностей. Речь идёт о таких альтернативах, как, например, приоритеты и неприоритеты, директивные и инициативные исследования, базовое и конкурсное финансирование. К их числу относится и задача поиска оптимального уровня открытости российской науки, её интегрированности в мировую. На практике баланс реализуется посредством множества инструментов, включая систему ограничений и запретов открытого и негласного характера. Подчеркнём, что в данной работе будет рассматриваться гражданский сектор науки, не обременённый особым режимом, который распространяется на сектор исследований и разработок в области обороны и безопасности государства.

С начала 1990-х годов и до начала 2022 г. государственная научно-техническая политика не препятствовала и даже способствовала популяризации в Российской Федерации зарубежной науки, погружению отечественной гражданской науки в мировое исследовательское пространство

ГУСЕВ Александр Борисович – кандидат экономических наук, директор ООО «Социологическая служба “Решающий голос”». ЮРЕВИЧ Максим Андреевич – научный сотрудник Центра макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве РФ.

вплоть до растворения в ней, без оглядки на сохранение суверенитета. В то же время характерный для 1990-х годов интерес из-за рубежа к науке бывшего СССР и её результатам постепенно заметно снизился. Утрачивая идейную инициативу, российская наука вошла в интернационализованный исследовательский мир на правах рядового члена.

Утечка умов за рубеж на официальном уровне рассматривается как естественный процесс без существенного ему противодействия. Зарубежные фонды десятилетиями свободно работают в нашей стране, занимаясь подбором и переманиванием талантливой научной молодёжи. Одновременно произошёл переход к использованию преимущественно зарубежного научного оборудования, расходных материалов, зарубежных ресурсов научно-технической информации. В системе оценки результативности научной деятельности на первый план были выдвинуты зарубежные научные журналы, публикации в которых оцениваются выше, чем в отечественных, а также иностранные рейтинги для российских университетов. На этой идеологии воспитывается уже несколько поколений российских исследователей.

Никаких радикальных изменений в стратегическом курсе, поддерживающем максимальную и бескорыстную открытость российской науки, не ожидалось. Однако специальная военная операция РФ на Украине, начавшаяся 24 февраля 2022 г., заставила пересмотреть принятый в рамках государственной научно-технической политики подход, и научный космополитизм в одночасье был подвергнут сомнению. Со стороны недружественных иностранных государств запущен процесс “отмены” российской науки, включая приостановку поставок научного оборудования, расходных материалов, отключение от ряда информационных ресурсов и программного обеспечения, вытеснение российских исследователей из зарубежного информационного пространства. Российский регулятор оперативно отреагировал на эти действия, введя мораторий на учёт публикационной активности по системам Web of Science и Scopus сначала до конца 2022 г., а потом и в 2023 г. Началась работа по формированию нового отечественного списка научных изданий с разделением на сегменты престижности и научного признания (аналоги квартилей).

Таким образом, многолетний вектор государственной научно-технической политики был дезавуирован. Однако новый, адекватный ситуации курс пока не предложен, российские исследователи, привыкшие к взаимодействию с западной наукой, остались один на один с её недружественным воплощением.

Настоящая статья посвящена анализу мнений учёных относительно открытости российской на-

уки по результатам опроса 2021 г. в сравнении с мнениями, выраженными в мае 2022 г.

СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ИЗУЧЕНИЯ МНЕНИЙ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Развитие интерактивных средств коммуникации привело к росту популярности массовых социологических исследований мнений учёных. Критерием массовости подобных опросов, как правило, служит порог в тысячу респондентов, что обычно обеспечивает репрезентативность выборки относительно генеральной совокупности. При этом нередко опросы не ограничиваются респондентами из одной страны, иногда приобретая глобальный масштаб. Тематическое разнообразие таких исследований вбирает в себя не только вопросы, связанные с профессиональной деятельностью учёных, но распространяется на многие социальные, политические и другие проблемы. Заказчиками и исполнителями этих исследований выступают международные организации, профессиональные объединения, научные фонды, органы власти, крупные порталы, научные издания и, конечно, отдельные исследовательские коллективы.

Одними из самых значительных по охвату массовых опросов являются исследования “The International Survey of Science” (ISSA), проводимые под эгидой Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР). С периодичностью раз в три года уже проведено три волны обследований, а также экспресс-опрос о влиянии пандемии коронавируса на глобальную науку. Первый из регулярных опросов был посвящён публикационным процедурам (рецензирование, открытый доступ и т.д.) и основан на выборке авторов статей в журналах, индексируемых на платформе Scopus [1]. В итоге удалось получить порядка 5 тыс. анкет. Второй раунд опроса, который был связан преимущественно с использованием ИКТ в исследовательской деятельности, позволил агрегировать мнения около 12 тыс. респондентов [2]. Третий опрос, состоявшийся в 2021–2022 гг., опирался на принципиально иной способ формирования выборки респондентов: он проводился в открытом режиме на основе идентификатора Open Researcher and Contributor ID (ORCID), который есть у большинства авторов научных публикаций [3].

Пожалуй, самой популярной сквозной темой для массовых опросов учёных является оценка уровня их материального благополучия и общей удовлетворённости выбранной карьерой. Подобные исследования сильно варьируются в зависимости от объёма и способа формирования выборки, географического охвата респондентов. Так, издательская группа “Nature” собрала мнения бо-

лее 4 тыс. учёных из Северной Америки и Европы на основе открытого опроса [4]. Американская ассоциация содействия развитию науки (American Association for the Advancement of Science) привлекла к исследованию более 3.5 тыс. своих членов, репрезентирующих возрастную и дисциплинарный их состав [5]. Ещё один вариант формирования выборки применяется в рамках проекта “New Scientist Jobs STEM Survey”, где участниками опроса становятся зарегистрированные пользователи портала поиска вакансий в научной сфере [6]. Важно отметить, что многие из таких опросов являются регулярными (как правило, ежегодными), что даёт возможность замерять динамику уровня заработной платы в науке и отслеживать уровень привлекательности карьеры учёного.

Не менее важным сюжетом для социологов на протяжении многих лет остаётся миграционная активность научных кадров. По-настоящему знаковым в этой области считается проект “GlobSci survey”, в рамках которого опрошено более 17 тыс. учёных из 16 стран [7]. Авторы исследования уделили первостепенное внимание идентификации факторов и препятствий мобильности учёных, особенностям формирования международных коллабораций и механизмам действия циркуляционной миграции. Выборка респондентов была сформирована на основе метаданных публикаций в журналах с индексацией в Web of Science. Аналогом с меньшим размахом служит трансевропейский опрос более 2.2 тыс. молодых научных работников [8]. Анкета главным образом состоит из вопросов о качестве подготовки PhD в европейских университетах, а также о возможностях и препятствиях мобильности научных кадров.

В последнее время в фокус исследований всё чаще стали попадать режимы доступа к научным публикациям, в особенности переход научных журналов к модели открытого доступа. Среди прочих своё отношение к этим проблемам обозначили норвежские учёные (примерно 1.5 тыс. респондентов) [9], авторы статей в журналах, входящих в издательскую группу “Taylor & Francis” (почти 3 тыс. респондентов) [10], а также авторы научных монографий, опубликованных в крупнейших мировых издательствах (2.5 тыс. респондентов) [11]. Ещё одним магистральным направлением массовых социологических исследований выступает изучение процесса интеграции результатов научных исследований в жизнь общества (public engagement). В частности, более 1.5 тыс. исследователей из Великобритании указали наиболее используемые каналы популяризации полученных знаний [12], а более 6 тыс. учёных из США оценили значимость научных коммуникаций для ускорения карьерного роста [13]. Примечательно, что во втором из этих опросов исходная

выборка формировалась путём “вытягивания” (парсинг) электронных почт научных работников и преподавателей с сайтов американских университетов.

Проведено множество масштабных опросов учёных по глобальным проблемам человечества и политическим вопросам. В частности, снова и снова появляются оценки экологической обстановки в мире, масштаба влияния антропогенного фактора на природные процессы на основе мнений широкого круга научных работников [14, 15]. Издательская группа “Nature” исследовала позицию порядка 2 тыс. учёных по поводу выхода Великобритании из ЕС [16]. Оказалось, что отношение научного сообщества сильно контрастирует с мнением широкой общественности: за сохранение членства в ЕС высказалось 44% британцев, а среди учёных эта доля достигла 83%.

В России массовые социологические опросы учёных также стали распространённой практикой. Так, с 2010 г. НИУ ВШЭ реализует проект “Мониторинг научных кадров высшей квалификации”, одна из задач которого – проведение регулярных опросов около 2 тыс. кандидатов и докторов наук [17]. В круг исследовательских тем вошли: получение учёными дополнительного образования; международная мобильность; модели трудоустройства (полная ставка, частичная занятость); цифровые навыки; уровень владения английским языком и т.д. В отличие от многочисленных зарубежных аналогов НИУ ВШЭ использует достаточно лаконичные анкеты, покрывающие лишь одну конкретную тематику. Проводит подобные исследования и РФФИ: основу выборки составляет аудитория пользователей комплексной информационно-аналитической системы (КИАС РФФИ). К примеру, в опросе, посвящённом выяснению предпочтений российских учёных между базами данных “Scopus” и “Web of Science”, участвовали 12 тыс. человек [18]. Примерно такая же по объёму выборка использовалась при изучении востребованности различных полнотекстовых информационных ресурсов (электронных библиотек) [19]. Вопросы научной политики и роли РАН в этой области нашли отражение в исследовании, участниками которого стали чуть более тысячи академиков, членов-корреспондентов и профессоров РАН [20]. Ключевой результат – обнаружение сильной заинтересованности академического сообщества в укреплении сотрудничества с властными структурами с целью решения национальных проблем и задач.

Можно утверждать, что массовые социологические исследования мнений учёных относительно научной политики и научной повседневности востребованы как в России, так и за рубежом. Подавляющая часть опросов проводится путём использования электронных ресурсов с оповеще-

нием респондентов по электронной почте или уведомлением на порталах, где опрашиваемые зарегистрированы. Формирование выборки, как правило, осуществляется на основе адресов электронных почт, зафиксированных в метаданных публикаций, или членства респондентов в каких-либо организациях и общественных объединениях. Если говорить о целях и практической пользе таких работ, то в первую очередь результаты опросов формируют фундамент для оценки научного климата в стране, комфортности ведения научно-исследовательской деятельности. Кроме того, благодаря опросам государственные регуляторы получают возможность обратной связи с научным сообществом по широкому кругу вопросов.

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПАРАМЕТРЫ ВЫБОРКИ РЕСПОНДЕНТОВ

Следуя логике ряда зарубежных исследований, для формирования выборки респондентов применён библиометрический подход. На первом этапе была создана база научных публикаций, написанных российскими авторами (хотя бы один член авторского коллектива имел аффилиацию с российскими организациями). Источником метаданных послужила БД “Web of Science”, включая все индексы “Web of Science Core Collection”, а также Russian Science Citation Index. По сравнению со “Scopus” данная конфигурация “Web of Science” обеспечивает сравнительно больший охват публикаций российских авторов, при этом удаётся отсеять существенную долю отечественных работ, вышедших в журналах с сомнительной репутацией [21]. На втором этапе генерации выборки из метаданных публикаций были извлечены электронные адреса, указанные российскими авторами в соответствующих контактных формах.

Было проведено два опроса: в апреле 2021 г. (“Научная политика России – 2021”, далее – “НАПОР-21”) [22] и мае 2022 г. (“Научная политика России – 2022”, далее – “НАПОР-22”) [23]. Следует отметить, что в программе исследования “НАПОР-21” фигурировала задача определить отношение научного сообщества к таким стратегическим векторам развития науки, как вхождение российских университетов в первую сотню университетов международных рейтингов, а также акцент на наукометрические показатели в оценке результативности научной деятельности, на зарубежные базы публикаций. Задачей исследования “НАПОР-22”, в частности, стала оценка влияния санкций иностранных государств на российскую науку, а также ожидаемая эффективность анонсированных мер контрсанкционной политики Российской Федерации.

В обоих исследованиях выборка респондентов формировалась на основе публикаций, вышед-

ших в течение шести лет до момента опроса. То есть в рамках “НАПОР-21” учитывались работы 2015–2019 гг., “НАПОР-22” – 2016–2020 гг. Опрос проводился путём рассылки анкеты по электронным адресам. Использовались открытые и закрытые вопросы с одиночным или множественным выбором¹, а также в форме шкалы Лайкерта. Кроме того, респондентам было предложено оставить развёрнутые комментарии по поводу научно-технической политики в России и других проблем. По итогам рассылочной кампании к участию в исследовании удалось привлечь более 7200 человек в рамках “НАПОР-21” и свыше 4100 человек в ходе “НАПОР-22”.

С целью оценки репрезентативности выборок дисциплинарный, возрастной и географический профили респондентов сопоставлялись с информацией Росстата об аналогичных характеристиках исследователей в 2020 г. (последние доступные данные). Возрастная структура участников опроса оказалась достаточно близка к генеральной совокупности (табл. 1).

В дисциплинарном разрезе выборки опрошенных значительно смещены в сторону естественных наук (табл. 2), что обусловлено исходной структурой большинства публикационных баз. Респонденты оказались в значительно большей степени вовлечены в выполнение фундаментальных исследований по сравнению с прикладными исследованиями и ОКР.

По географическому признаку было достигнуто достаточно высокое соответствие обеих выборок генеральной совокупности. Так, примерно 3 из 10 респондентов представляли г. Москву, каждый восьмой – г. Санкт-Петербург, каждый девятый – Московскую область. Затем в порядке убывания расположились учёные из Новосибирской, Томской и Свердловской областей. Кроме того, выборки характеризуются высоким уровнем научной квалификации респондентов: доля участников с учёной степенью составила 85% в “НАПОР-21” и превысила 87% в “НАПОР-22”. В каждом из опросов приняли участие не менее 50 членов РАН. Приблизительно 4 из 5 респондентов заявили об опыте руководства выполнением научных исследований (по договорам (контрактам), государственному заданию в сфере науки, грантам научных фондов и т.п.).

В “НАПОР-21” университетский сектор и сектор научных организаций были представлены в равной мере (по 46% респондентов). “НАПОР-22” в большей степени привлёк внимание сотрудников исследовательских институтов (52%), в несколько меньшей – работников вузов (41%). На-

¹ На открытый вопрос респондент отвечает в свободной форме; в случае закрытого вопроса респонденту предлагается набор альтернатив, из которых он выбирает соответствующую(ие) его мнению.

Таблица 1. Распределение респондентов по возрастным группам, %

Возрастная группа	“НАПОР-21”	“НАПОР-22”	Росстат
до 29 лет (включительно)	10	7	16
30–39 лет	25	26	28
40–49 лет	18	20	17
50–59 лет	16	16	14
60–69 лет	18	19	15
70 лет и старше	13	12	9

Таблица 2. Распределение респондентов по областям наук, %

Область наук	“НАПОР-21”	“НАПОР-22”	Росстат
Естественные науки	55	59	23
Технические науки	17	15	60
Медицинские науки	6	5	4
Сельскохозяйственные науки	1	2	3
Общественные науки	13	12	6
Гуманитарные науки	8	8	4

конец, важно отметить участие российской научной диаспоры в каждом из опросов: около 95% респондентов заявили о постоянной работе в России либо преимущественно в России, остальная часть опрошенных указала на занятость за рубежом либо преимущественно за рубежом или в России и за рубежом примерно поровну.

ОТКРЫТОСТЬ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

Тематический охват обеих волн опроса оказался весьма широким, включая такие вопросы, как утечка умов, оценка эффективности мер государственной научной политики, отношение к измерению публикационной активности и др. Каждая из этих тем актуальна, однако в нынешних условиях особое внимание привлекает проблема международного научно-технического сотрудничества. Некоторые формальные и неформальные международные санкции, по сути, направлены на изоляцию российской науки, в том числе: заморозка сотрудничества по международным исследовательским проектам [24]; прекращение поставок научно-исследовательского оборудования, компонентов к нему, реактивов [25, 26]; отключение международных баз научной информации [27]; бойкотирование публикаций российских авторов [28]. При этом в научном сообществе сложилось мнение, что эти ограничительные меры могут привести к некоторым положительным по-

следствиям, помогая избавиться от излишней интегрированности российской науки в мировую.

На этом фоне ведутся горячие споры по поводу адекватности и целесообразности учёта вклада российской науки в мировую, имея в виду количество публикаций в изданиях, индексируемых международными базами “Web of Science” и “Scopus” [29, 30]. В исследовании “НАПОР-21” респондентам был предложен вопрос “Считаете ли Вы, что в РФ следует отказаться от преимущественной ориентации на зарубежные базы публикаций для оценки публикационной активности (“Web of Science”, “Scopus” и др.)?” (табл. 3). Оказалось, что наблюдается поляризация мнений относительно использования зарубежных инструментов для оценки результативности российской науки: 41.0% против, 52.7% за. Наибольшую поддержку зарубежные базы публикаций нашли у представителей естественных и медицинских наук; специалисты в области гуманитарных и сельскохозяйственных наук считают нужным отказаться от них (2/3 ответов).

Противники измерения научной продуктивности по “Web of Science” и “Scopus” считают некорректным выдвигать в качестве цели достижение некоторой доли в этих базах (36.7% ответивших); по их мнению, зарубежные базы навязывают российским учёным свои правила игры и содержательно пытаются их контролировать (28.2%); 22.5% рассматривают зарубежные

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос о применении в РФ зарубежных наукометрических баз данных, %

Научные направления	Следует отказаться	Не следует отказываться	Затрудняюсь ответить
Естественные науки	32.2	61.6	6.2
Технические науки	47.8	46.4	5.8
Медицинские науки	30.8	64.8	4.4
Сельскохозяйственные науки	65.2	27.4	7.4
Общественные науки	55.2	38.3	6.5
Гуманитарные науки	63.8	28.3	7.9
Все респонденты	41.0	52.7	6.4

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос о будущем рейтингоориентированной стратегии развития вузов РФ, %

Вариант ответа	Все респонденты	Респонденты, ответившие на вопрос об итогах проекта “5-ТОП-100”	
		однозначный успех и скорее успех	однозначный провал и скорее провал
Следует отказаться	29.4	15.1	35.7
Не следует отказываться	59.1	79.2	58.3
Затрудняюсь ответить	11.5	5.7	6.0
ИТОГО	100.0	100.0	100.0

базы данных как международные бизнес-проекты, не имеющие отношения к науке. Сторонники использования международных публикационных баз указывают на их значение как ориентира, который заставляет стремиться к мировому научному уровню (87.2%).

Ещё одной чувствительной для российского научного сообщества темой стал вопрос о вхождении российских вузов в зарубежные рейтинги университетов [31, 32]. Помимо публикационной активности, место в рейтингах определяется на основе опросов экспертов, а также по доле иностранных преподавателей и студентов, количеству выпускников и сотрудников, удостоенных Нобелевской премии, и т.п. Обычно проблема надёжности рейтингов обсуждается наряду с рассуждениями об эффективности программы “5-ТОП-100”. Проведение первого опроса совпало с завершением этой программы, поэтому респондентам было предложено оценить успешность проекта (от полного провала до однозначного успеха) и заодно высказаться по поводу общей объективности рейтингов (вопрос звучал так: “Как Вы считаете, следует ли в развитии вузов РФ отказаться от задачи по их вхождению в зарубежные рейтинги мировых университетов (ARWU, THE, QS и др.)?”).

Итак, почти 60% опрошенных поддержали стремление наращивать присутствие российских вузов в зарубежных рейтингах; ожидаемо, что среди тех, кто положительно оценил итоги проекта “5-ТОП-100”, сторонников рейтингов оказалось больше (табл. 4). Но даже те, кто считает, что проект провалился, в большинстве своём полагают, что от него не следует отказываться. Основной аргумент здесь – необходимость международного признания университетов через участие в рейтингах. Противники иностранных университетских рейтингов почти в половине случаев сослались на то, что погоня за рейтингами представляет собой некорректное целеполагание; 19.7% опрошенных посетовали на высокую затратность рейтинговой гонки, притом что даже успешный её результат не обеспечивает отечественным вузам никаких дивидендов. Интересно, что 14.5% участников опроса воспринимают зарубежные рейтинги как политические проекты стран-разработчиков.

Таким образом, в 2021 г. научное сообщество России оказалось расколотым, имея в виду ориентацию на интеграцию отечественной науки в мировую. Не менее половины респондентов были убеждены в оправданности и адекватности применения зарубежных лекал для оценки научной деятельности в нашей стране.

Таблица 5. Влияние санкций на осуществление научной деятельности в Российской Федерации, %

Ожидаемые последствия санкций	Делает невозможным продолжение научной деятельности	Существенно осложняет научную деятельность	Несущественно осложняет научную деятельность	Никак не осложняет научную деятельность	Затрудняюсь ответить	Другое
Прекращение совместных научных проектов с иностранными университетами/научными организациями	8.7	35.4	22.7	23.7	7.3	2.2
Необъективное рецензирование публикаций российских авторов в зарубежных изданиях	4.7	32.1	19.0	20.9	18.3	5.0
Отказ российским исследователям в участии в научных исследованиях на зарубежных научных установках класса мегасайенс	8.7	25.0	11.1	24.9	26.9	3.4
Отказ российским исследователям в участии в научных конференциях за рубежом	6.5	32.2	24.1	22.0	11.8	3.4
Отключение от зарубежных электронных ресурсов научно-технической информации	12.5	41.9	20.1	15.6	7.3	2.6
Отключение от специализированного зарубежного программного обеспечения	11.2	34.9	21.4	19.4	10.4	2.7
Прекращение поставок зарубежного научного оборудования, в т.ч. из-за невозможности перевода оплаты	19.6	41.3	11.9	14.4	10.5	2.3
Прекращение поставок зарубежных расходных материалов	18.2	38.2	13.8	16.3	11.1	2.4

Опрос 2022 г. совпал с объявлением пятого пакета антироссийских санкций. Многие из мер, направленных на изоляцию отечественной науки, к тому моменту уже реализовывались. Поэтому участники исследования «НАПОР-22» в своих ответах руководствовались не только ожидаемыми эффектами от действий недружественных стран, но и реагировали на наступившие последствия запретительных мер. Можно выделить два крупных направления санкционной политики против российской науки: выключение из западно-ориентированного международного научного пространства и ограничение (прекращение) пользования иностранными активами в научной деятельности. Данные таблицы 5 свидетельствуют о болезненности санкций для российской науки и, косвенно, об избыточной открытости российской науки в предшествующий период.

Меры изолирования российской науки, в том числе прекращение научных проектов, необъективное рецензирование публикаций и отказ в участии в научных конференциях, существенно осложняют научную деятельность примерно трети респондентов. Но более болезненно воспринимаются санкционные меры по ограничению доступа к иностранным информационным системам. Если отказ российским исследователям в пользовании зарубежными установками класса мегасайенс ещё можно пережить, то, по мнению половины респондентов, отключение от зарубежных информационных систем, программного обеспечения и заморозка поставок оборудования и расходных материалов чреваты серьёзными сложностями. Особенно уязвимыми оказываются специалисты в области медицинских, естественных и технических наук: 22–25% опрошен-

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос об ожидаемой эффективности антисанкционных мер, %

Антисанкционные меры	Ожидается высокой	Ожидается скорее высокой	Ожидается скорее низкой	Ожидается низкой	Ожидается нулевой	Затрудняюсь ответить
Мораторий до 31 декабря 2022 г. на предъявление требований к публикационной активности российских исследователей в зарубежных журналах, индексируемых в базах данных “Web of Science”, “Scopus”, а также к участию в зарубежных научных конференциях	10.4	20.6	17.7	13.3	26.9	11.0
Новые подходы к оценке результативности научной деятельности	10.3	19.1	16.6	15.0	23.3	15.6
Упрощение процедур госзакупок научного оборудования и расходных материалов	16.1	30.6	12.8	9.8	11.8	18.9
Федеральный проект “Развитие отечественного научного приборостроения” (к 2024 г. более 42 новых научных приборов, производимых в РФ)	10.8	22.1	15.3	12.2	15.9	23.8
Создание новых научных лабораторий для молодых учёных	11.2	23.8	20.5	13.7	17.5	13.2

ных опасаются, что им придётся приостановить исследования, ещё 45% считают, что их работа будет очень осложнена.

В 2022 г. на федеральном уровне был анонсирован² и частично реализован ряд мер по противодействию санкциям недружественных государств (табл. 6). По мнению исследователей, из предложенных для оценки антисанкционных мер наиболее эффективной является упрощение процедуры госзакупок научного оборудования и расходных материалов³, однако доля респондентов, настроенных оптимистически, едва достигает половины (46.7%). Остальные четыре меры одобрили 29–35%. Наибольший скептицизм вызывает объявление моратория (не отмены) относительно требования публиковаться в зарубежных журналах, индексируемых в иностранных базах данных, от которых Российская Федерация уже отключена⁴, а также очередное обновление подхода к оценке результативности научной деятельности. По большому счёту это своего рода зеркальное отражение результатов опроса 2021 г., когда обнаружилась поддержка оценки публикационной активности по Web of Science и Scopus.

На наш взгляд, крайне важно понять, что думают учёные по поводу прекращения или сокра-

щения международного научно-технического сотрудничества с недружественными странами. Как оказалось, примерно три четверти опрошенных считают допустимым для российских исследователей и их коллективов начинать (продолжать) научное взаимодействие с коллегами и научными центрами из таких государств в области гражданской науки; только около 10% респондентов настаивают на необходимости прекращения контактов. Этот результат можно интерпретировать двояко. С одной стороны, за безусловную допустимость сотрудничества высказывались респонденты, считающие науку космополитичным институтом вне политики, вне национальных границ. За допустимость сотрудничества, но при определённых условиях, выступили исследователи, которые на первое место ставят полезность взаимодействия с точки зрения национальных интересов (не в ущерб своей стране). С другой стороны, тридцатилетний период космополитизма в отечественной науке привёл к нарушению идентификации по линии “свой–чужой”, и она не может восстановиться в одночасье даже в период военных действий, когда против Российской Федерации применяются силы и средства недружественных государств.

Что касается прогнозов относительно восстановления связей российской науки с зарубежной, то примерно по 25% участников опроса убеждены в том, что сотрудничество будет восстановлено через 1–3 года или через 4–7 лет. Чуть менее 18% предсказывают интервал в 10 лет, а 10.5% наиболее пессимистично настроенных респондентов

² Встреча представителей Правительства РФ и научной отрасли состоялась 8 апреля 2022 г. Видеозапись мероприятия: https://vk.com/wall-112292509_28793

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 мая 2022 года № 1316-р.

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 19 марта 2022 г. № 414.

считают, что вернуть взаимодействие на прежний уровень в обозримой перспективе не удастся.

* * *

Результаты исследований 2021 и 2022 гг., включая многочисленные комментарии и ответы на открытые вопросы, позволяют сделать следующие выводы.

Первое. К 2021 г. в российском научном сообществе сложилось достаточно толерантное отношение к оценке научной деятельности по шаблонам мировой науки (измерение публикационной активности по международным базам данных, отслеживание позиций в иностранных рейтингах университетов). Более половины опрошенных, а среди молодых учёных эта доля ещё больше, рассматривают интеграционный вектор как верный ориентир для развития российской науки. Кроме того, в комментариях явно прослеживается стремление к установлению понятных правил игры (критерии назначения на должность и прохождения аттестации, получения грантов, определения заработной платы и надбавок), которые основаны на измерении публикационной активности. Обратная сторона этой медали – недоверие к системе экспертизы.

Второе. Даже в радикально изменившейся обстановке в связи с проведением специальной военной операции Российской Федерации на Украине значительная часть исследователей сохранила лояльное отношение к зарубежной науке, о чём свидетельствует готовность подавляющего большинства респондентов начинать или продолжать научное сотрудничество с коллегами из недружественных государств. Видимо, для перестройки восприятия окружающего мира необходимы более суровые потрясения личного характера, а возможно, сложившиеся установки уже не подлежат изменению.

Третье. Наибольший текущий и ожидаемый ущерб российской науке наносит глубокая зависимость от импортного оборудования, расходных материалов и научно-технической информации. Несмотря на усилия по импортозамещению активов научной деятельности, роль поставщиков из недружественных стран сложно переоценить. Респонденты обращали внимание на возможность решения возникших проблем “умеренно честными способами”, которые в нынешних условиях выглядят вполне оправданными. Прежде всего речь идёт о каналах “серого”, или параллельного, импорта для закупки приборов, запасных частей к ним и реагентов. Большим подспорьем в этом деле стала либерализация процесса государственных закупок для научных и научно-образовательных учреждений. Дефицит доступа к публикациям в зарубежных изданиях предлагает-

ся восполнить благодаря сервису Sci-Hub, который, кстати, на некоторых доменах по-прежнему недоступен с российских ip-адресов. В долгосрочной перспективе российские учёные считают необходимым поиск альтернативных поставщиков (из Китая, Индии, Ирана и некоторых других стран), а также возрождение отечественного приборостроения.

Четвёртое. Исходя из комментариев участников опроса, складывается впечатление об их глубокой обеспокоенности будущим российской науки. Но говорить о панических настроениях или апатии повода нет. Значительно чаще ощущается некоторое сожаление российских учёных относительно уже введённых санкций и грядущих запретительных мер; “отмена” отечественной гражданской науки, разрыв научных связей в их глазах выглядят как недальновидная политика, как своего рода произвол. Довольно многочисленная когорта опрошенных даже высказывает умеренный оптимизм: по их мнению, санкционное давление стимулировало всплеск патриотических и антизападных настроений, на этой основе формируется политическая воля, которая позволит изменить всю систему управления научной деятельностью. Речь идёт об отказе от “палочного” учёта (подсчёт количества публикаций, цитирований, патентов и т.д.) в пользу содержательной оценки результатов научного труда, а также о приоритетной ориентации на нужды и потребности экономики и общества, а не на соответствие зарубежным канонам.

Пятое. Пока не предложены адекватные целеполагание и вектор развития российской гражданской науки, которые позволили бы отказаться от публикационной гонки и международных рейтингов. Таким образом, альтернативы полной открытости российской науки на идейном уровне не выработано. Необходима оперативная перезагрузка системы управления наукой, чтобы в новых условиях определить оптимальную меру её открытости.

ИСТОЧНИК ФИНАНСИРОВАНИЯ

Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2022 г. по теме “Социально-экономическое развитие в эпоху фундаментальной трансформации систем”.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Boselli B., Galindo-Rueda F.* Drivers and implications of scientific open access publishing: Findings from a pilot OECD international survey of scientific authors. 2016. <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/5jlr2z70k0bx-en.pdf?expires=1662968122&id=id&accname=guest&checksum=B7C3E0234CC96E301E9C23A49C88EADB>

2. *Bello M., Galindo-Rueda F.* The 2018 OECD International Survey of Scientific Authors. 2020. <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/18d3bf19-en.pdf?expires=1662968227&id=id&accname=guest&checksum=5B90F26364F0F42E5715A37208A40E02>
3. OECD. ISSA 2021: science in society in times of crisis. <https://www.oecd.org/science/survey-of-scientific-authors.htm>
4. Survey reveals highs and lows of a life in science // *Nature*. 2018. № 562. P. 459–459.
5. *Funk C., Rainie L., Page D.* Public and scientists' views on science and society / Pew Research Center. 2015. https://www.pewresearch.org/internet/wp-content/uploads/sites/9/2015/01/PI_ScienceandSociety_Report_012915.pdf
6. NewScientistsJobs. 2020 STEM Survey report. <https://jobs.newscientist.com/en-gb/article/2020-stem-survey-report/>
7. *Scellato G., Franzoni C., Stephan P.* Migrant scientists and international networks // *Research Policy*. 2015. № 1 (44). P. 108–120.
8. *Meyer D.* Opinion poll: young scientists' survey gets the dirt on life at the coal face // *The ELSO Gazette*. 2003. № 13. https://www.researchgate.net/publication/272510911_Opinion_poll_young_scientists_survey_gets_the_dirt_on_life_at_the_coal_face
9. DAMVAD. Sharing and archiving of publicly funded research data. Report to the Research Council of Norway. 2014. <http://docplayer.net/1769604-11-04-14-sharing-and-archiving-of-publicly-funded-research-data-report-to-the-research-council-of-norway.html>
10. Taylor & Francis Group. Researcher Survey. 2019. <https://authorservices.taylorandfrancis.com/wp-content/uploads/2019/10/Taylor-and-Francis-researcher-survey-2019.pdf>
11. *Pyne R. et al.* The future of open access books: Findings from a global survey of academic book authors. 2019. <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1114&context=scholcom>
12. *Bauer M.W., Jensen P.* The mobilization of scientists for public engagement // *Public understanding of science*. 2011. № 1 (20). P. 3–11.
13. *Rose K.M., Markowitz E.M., Brossard D.* Scientists' incentives and attitudes toward public communication // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2020. № 3 (117). P. 1274–1276.
14. *Myers K.F. et al.* Consensus revisited: quantifying scientific agreement on climate change and climate expertise among Earth scientists 10 years later // *Environmental Research Letters*. 2021. № 10 (16). P. 104030.
15. *Verheggen B. et al.* Scientists' views about attribution of global warming // *Environmental science & technology*. 2014. № 16 (48). P. 8963–8971.
16. *Cressey D. et al.* Scientists say 'no' to UK exit from Europe in Nature poll // *Nature*. 2016. № 7596 (531). P. 559–559.
17. НИУ ВШЭ. Мониторинг рынка труда научных кадров высшей квалификации. <https://www.hse.ru/monitoring/mnk>
18. *Лутай А.В., Любушко Е.Э.* Выбор российских исследователей между Scopus и Web of Science: результаты опроса РФФИ. https://podpiska.rfbr.ru/storage/rfbr_survey1.html
19. *Лутай А.В., Любушко Е.Э.* Обеспеченность доступом к полнотекстовым информационным ресурсам: результаты опроса РФФИ. <https://podpiska.rfbr.ru/news/361/>
20. Научная Россия. Результаты опроса академиков, членов-корреспондентов и профессоров РАН, проведенного 18–22 декабря 2020 г. <https://scientificrussia.ru/articles/rezultaty-oprosa-akademikov-chlenov-korrespondentov-i-professorov-ran-provedennogo-18-22-dekabrya-2020g>
21. *Юревич А.В., Юревич М.А.* Мусор в науке // *Вестник Российской академии наук*. 2021. № 8 (91). С. 724–733.
22. *Гусев А.Б., Юревич М.А.* Научная политика России – 2021. М.: Буки Веди, 2021. <http://www.spsl.nsc.ru/FullText/DOR/scipol2021cf.pdf>
23. *Гусев А.Б., Юревич М.А.* Научная политика России – 2022: профессия не дороже родины. М.: Издательство “Перо”, 2022.
24. *Holdren J. et al.* Let's not abandon Russian scientists // *Science*. 2022. № 6590 (376). P. 256–257.
25. Коммерсантъ. Клеточная терапия осталась без технологий. <https://www.kommersant.ru/doc/5283357>
26. МК. “Расприглашение” российской науки: как санкции Запада ударили по учёным. <https://www.mk.ru/science/2022/03/03/raspriglasenie-rossiyskoy-nauki-kak-sankcii-zapada-udarili-pouchenym.html>
27. Forbes. Научная база данных Web of Science стала недоступна в России. <https://www.forbes.ru/society/464725-naucnaa-baza-dannyh-web-of-science-stala-nedostupna-v-rossii>
28. *Brainard J.* Few journals heed calls to boycott Russian papers // *Science*. 2022. <https://www.science.org/content/article/few-journals-heed-calls-boycott-russian-papers#:~:text=At%20the%20moment%2C%20the%20Journal,of%20the%20University%20of%20Coimbra>
29. *Орлов А.И.* Вред ориентации на базы данных Scopus и Web of Science // *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2021. № 16-1. С. 835–840.
30. *Иванчик А.И.* Особенности оценки исследователей и исследовательских программ в гуманитарных науках // *Вестник Российской академии наук*. 2018. № 11 (88). С. 985–991.
31. *Балацкий Е.В., Екимова Н.А.* Глобальные рейтинги университетов: проблема манипулирования // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2012. № 1 (13). С. 126–146.
32. *Кузьминов Я.И.* Вызовы и перспективы развития университетов в России // *Университетское управление: практика и анализ*. 2018. № 4 (116). С. 5–8.